

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА

Священник Алексей Андреев

магистр теологии,
преподаватель кафедры библеистики богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
alexey.andreevtf@gmail.com

Для цитирования: Андреев А., *свящ.* Возможность применения новых эпистемологических теорий для интерпретации библейского текста // Библия и христианская древность. 2019. № 3 (3). С. 213–225. doi: 10.31802/2658-4476-2019-3-3-213-225

Аннотация

УДК 22.06

В настоящей статье рассматривается возможность применения новых эпистемологических теорий, разработанных такими исследователями, как Ч. С. Пирс, А. Тарский, К. Поппер, У. В. О. Куайн, для интерпретации библейского текста. В современную эпоху распространилось представление о том, что текст Писания может заключать в себе неограниченное число смыслов, которые могут быть одновременно противоположны друг другу, при этом ни один из них не имеет права претендовать на исключительность и окончательную истинность. Данная ситуация породила определенную стагнацию в современной библейской науке. Как доказывается в данной статье, из подобной ситуации «интерпретационной анархии» возможно выйти, если применить ко множеству библейских герменевтических теорий принципы, разработанные в современной эпистемологии науки. Особое внимание в статье уделяется возможности имплементации теории роста научного знания, предложенной К. Поппером. В статье доказывается, что применение данной модели при анализе множества различных интерпретационных стратегий, разработанных исследователями Библии, позволяет элиминировать ненаучные интерпретации, а также создать возможность конкурентной дискуссии между наиболее правдоподобными гипотезами, что, в свою очередь, должно стимулировать рост научного знания в современной библейской науке.

Ключевые слова: Библия, библеистика, герменевтика, эпистемология, Карл Поппер, постмодернизм, интерпретация, научное знание, фальсификация, фаллибилизм.

1. Постановка проблемы

Текст Библии, вне всякого сомнения, является самым изучаемым не только в европейской, но и в мировой культуре. Несмотря на тысячи комментариев, критических изданий и научных работ, посвящённых таким фундаментальным текстам человечества, как «Одиссея» и «Илиада», «Рамаяна» и «Лунь Юй», всё же именно Библия является тем текстом, который породил вокруг себя наибольшее количество исследовательской литературы. Это и древние святоотеческие комментарии, и средневековые раввинистические толкования, и историко-критические штудии современных исследователей. Даже в самом тексте Писания существует интереснейшая интертекстуальность ветхозаветных и новозаветных повествований.

Проблема понимания библейского текста, истинного смысла слов Священного Писания порождает не только академические диспуты, но и являлась причиной настоящих религиозных войн, где люди были готовы жертвовать своей жизнью ради того, что, с их точки зрения, являлось истинным библейским учением.

В связи с этим множество богословов, библеистов, филологов и философов пытались выработать и/или формализовать определённые наборы толковательных приёмов, следуя которым человек может чётко понять, что именно сказано в Писании.

В настоящей статье представлена попытка исторической классификации различных герменевтических стратегий понимания Писания, начиная с первых веков христианства и заканчивая современным постмодернистским подходом. Основным принципом предложенной исторической классификации является базовое представление о том, сколько смыслов заключено в тот или иной библейский текст. После краткого обзора в данной статье будет рассмотрен вопрос о том, как в свете зрения современных эпистемологических теорий (А. Тарского, К. Поппера, У. В. О. Куайна) может быть поставлена проблема о смысле (смысле) Писания и его/их истинности.

2. Смысл библейского текста: единство в многообразии, монизм и релятивизм в толковании

С первых веков христианства утверждается идея о том, что Священное Писание содержит в себе сразу несколько смыслов. Как иронически замечает исследователь раннехристианской литературы

Ричард Хэнсон, «то, что Ориген разделял три смысла в Священном Писании, так же известно, как и то, что Цезарь разделял Галлию на три региона»¹. Данному вопросу посвящены многочисленные исследования иностранных (М. Гиршман², Н. Т. Райт³, Т. Стилианопулос⁴) и российских ученых (прот. А. Емельянов⁵, В. Я. Саврей⁶, О. Е. Нестерова⁷, А. И. Сидоров⁸).

Говоря обобщённо, для святоотеческих толкователей Писания один и тот же отрывок текста мог заключать в себе сразу четыре смысла:

1. исторический, или буквальный, смысл;
2. аллегорический, или типологический, смысл;
3. топологический, или этический, смысл;
4. анагогический, или мистический, смысл⁹.

Примерно также обстояла ситуация и в средневековой Церкви на Западе. Известное двустишие, приписываемое Николаю Лирскому или Августину Дакийскому, гласило: «*Littera gesta docet, quid credas allegoria, / moralis quid agas, quo tendas anagogia*» («Буква учит событиям; аллегория — тому, во что ты должен верить; нравоучение — тому, что тебе должно делать; а анагогическое толкование — тому, к чему ты должен устремляться»)¹⁰.

- 1 *Hanson R. Allegory and Event. A Study of the Sources and Significance of Origen's Interpretation of Scripture. London, 1959. P. 235.*
- 2 *Гиршман М. Еврейская и христианская интерпретации Библии в поздней Античности. М., 2002.*
- 3 *Райт Н. Т. Авторитет Писания и власть Бога. Черкассы, 2007.*
- 4 *Стилианопулос Т. Новый Завет: православная перспектива. М., 2008.*
- 5 *Емельянов А., прот. Введение в Четвероевангелие. М., 2015.*
- 6 *Саврей В. Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2011.*
- 7 *Нестерова О. Е. Проблемы интерпретации учения Оригена о трех смыслах Священного Писания в современной научной литературе // Раннехристианская и византийская экзегетика. М., 2008. С. 26–67. Она же. Типологическая экзегеза в «Tractatus Mysteriorum» Илария Пиктавийского // Раннехристианская и византийская экзегетика. М., 2008. С. 68–118.*
- 8 *Сидоров А. И. Основные тенденции развития и характерные черты древнехристианской и византийской экзегезы // Раннехристианская и византийская экзегетика. М., 2008. С. 3–25.*
- 9 Подробно об этом см.: *Мень А., прот. Библия и история ее толкований. Минск, 1997. С. 287–289.*
- 10 *Цит. по: Эко У. Искусство и красота в Средневековой эстетике. СПб., 2003. С. 170.*

Также следует отметить, что эти три или четыре значения одного и того же текста не конфликтовали между собой: один смысл не упразднял другой, напротив, полнота смысла, *sensus plenior*, была направлена на единую цель — открыть человеку полноту Промысла Божиего.

Однако с наступлением эпохи Ренессанса на Западе отношение к смыслу библейского текста начинает меняться. Это время, когда среди европейской интеллигенции начинает возникать историческое сознание, зарождается библеистика как отдельная дисциплина (связанная в то время в первую очередь с текстологией), а традиционные средневековые герменевтические стратегии забываются¹¹.

В XVIII в. среди исследователей Библии окончательно утверждается идея о том, что текст Писания равен самому себе: то есть он содержит один смысл, который был заложен в текст самим его эмпирическим автором; современному исследователю этот изначальный смысл текста возможно реконструировать с помощью скрупулёзного филологического и исторического исследования. В ветхозаветной библеистике данный подход начали применять Б. Спиноза (в «Богословско-политическом трактате»), Ришар Симон (1638–1712) и Жан Астриук (1684–1766). Первыми исследователями, реализовавшими эту идею в новозаветных штудиях, были Герман Самуил Реймарус (1694–1768) и Иоганн Август Эрнести (1707–1761). Как пишет об Эрнести современный исследователь Энтони Тисельтон: «В своем главном произведении по интерпретации Нового Завета (1761) он (Эрнести — А. А.) утверждал, что исследователь не должен принимать во внимание нерациональные факторы. По его мнению, существовал только один смысл текста. К экзегезе он подходил с позиции лингвиста и филолога, но, когда речь шла об интерпретации, он не находил в Библии внутренних противоречий»¹². Формализован этот подход был Шлейермахером в «Герменевтике».

В целом, вплоть до начала XX в. практически все библеисты, несмотря на различия в частных мнениях, в целом исходили из предпосылки о том, что смысл текста Писания лишь один; возможность существования сразу нескольких смыслов одного текста просто не рассматривалась, поскольку в случае множественности смыслов подразумевалось, что все смыслы, кроме одного, некорректны.

11 Подробно об этом см.: *Андреев А., свящ.* Предпосылки возникновения академической библеистики: Библия и ее интерпретация в эпоху Ренессанса // Церковь и время. 2014. № 3(68). С. 65–95.

12 *Тисельтон Э.* Герменевтика. Черкассы, 2011. С. 154.

Ситуация в библеистике, как и в гуманитарной науке в целом, изменилась в 70-е годы XX в. Это связано с появлением различных философских, культурных, социальных и герменевтических теорий и практик, образовавших то явление, которое принято называть «постмодернизмом». Постмодернизм оказал влияние и на библеистику¹³. Основной работой по этому вопросу на русском языке остается монография Кевина Ванхузера «Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания»¹⁴. Несмотря на различие (подчас разительное) в интерпретационных методах, постмодернистская библеистика отменила представление о едином «истинном» смысле Писания. С точки зрения многих библеистов конца XX — начала XXI в., один и тот же текст Библии может иметь практически неограниченное количество смыслов, при этом ни один из них не имеет права претендовать на исключительность. Текст может быть интерпретирован в свете психоанализа (фрейдистского, юнгианского и проч.), с позиции «феминистской» или «постколониальной критики», нарративного анализа или «герменевтики освобождения» и т.п. Об этой ситуации в современной библейской герменевтике так пишет Сюзан Хандельман: «Эта интерпретационная анархия — не нигилистическое уничтожение всякого авторитета, а уверенность во множестве авторитетов»¹⁵. Классический историко-критический метод XVIII-XIX вв., хотя и не был полностью исключен сферы библейских исследований, но с конца XX в. перестал быть не только единственным, но и даже магистральным подходом к интерпретации библейских текстов. Несмотря на некоторый всплеск активности библеистов, освоивших в конце прошлого века постмодернистские методы работы с текстом, ситуация многоголосия и инфляции смысла ко второму десятилетию XXI в. породила стагнацию в библейской науке. Авторитетный исследователь библейской герменевтики Грант Осборн так описывает ситуацию, в которой оказалась библеистика эпохи постмодерна: «Они (современные библеисты — А. А.) доказали существование стратегий чтения, но не объективного или исходного значения (библейского текста — А. А.). Поэтому, утверждают эти критики, мы должны оставить всякие мысли о какой бы то ни было системе первого порядка,

13 Подробно об этом см.: *Андреев А. В.* Библейская наука в рамках парадигм модерна и постмодерна. // Церковь и время. 2012. № 2(59). С. 51–77.

14 *Ванхузер К.* Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания. Черкассы, 2007.

15 *Handelmann S.* The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory. Albany, 1982. P. 204.

которая может раскрывать значение текстов. Следует уяснить себе, что все письменные труды — это эстетические произведения, которые в той или иной степени (в зависимости от типа школы) допускают читательскую “свободную игру” на игровом поле текста, что неизбежно приводит к поливалентности (многозначности)¹⁶.

Сравнивая эти три эпохи библейской герменевтики, можно сказать, что эпоха святоотеческих и средневековых интерпретаторов была эпохой «единства в многообразии»: текст Писания содержал в себе сразу несколько значений, которые гармонично были объединены общей целью духовного возвышения читающего. В Новое время господствовало представление о единственном смысле текста, который соответствовал замыслу эмпирического автора; этот подход можно назвать монизмом смысла. В рамках постмодернистской библеистики смысловой монизм был объявлен изжитым, а на его место пришел релятивизм в толковании: смыслов может быть неограниченное количество. При этом, в отличие от плюрализма святоотеческой экзегезы, различные интерпретации постмодернистских авторов могут быть диаметрально противоположными, взаимоисключающими, преследующими абсолютно различные цели. Именно этим смысловой плюрализм средневековых авторов отличается от смыслового релятивизма современных интерпретаторов.

3. Возможность применения современных эпистемологических теорий для стабилизации толкований библейского текста

В конце XIX в. американский философ Чарльз Сандерс Пирс разрабатывает концепцию «фаллибилизма», которая сводится к следующему: «Утверждение неполноты, приблизительности и неточности научного знания. Согласно фаллибилизму, любое научное знание не является окончательным, будучи лишь промежуточной интерпретацией истины и подразумевая замену более полной интерпретацией»¹⁷. В XX в. идеи Пирса активно развивали такие философы, как Альфред Тарский, Карл Поппер, Уиллард ван Орман Куайн, Умберто Эко и др.

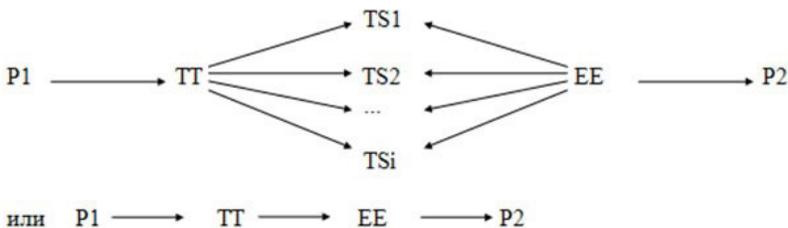
Основной интерес для настоящей статьи представляет теория роста научного знания, предложенная Поппером. Поппер отказывается

16 *Осборн Р.* Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование. Одесса, 2009. С. 657–658.

17 *История и философия науки: энциклопедический словарь.* Нижневартовск, 2010. С. 273.

от позитивистской модели роста научного знания, основанной на принципе верификации. Согласно Попперу, фактически мы не можем достигнуть истинного знания, единственный способ увеличения нашего позитивного знания состоит в отсеке неверных теорий, элиминируем которые мы постепенно приближаемся к более правдоподобному (но не окончательно-истинному) знанию.

Теория Поппера хорошо известна, поэтому можно ограничиться лишь схематическим изображением предложенной им концепции:

На данной схеме P1 (problem 1) означает исходную проблему в научном знании, TT — пробная теория (temporal theory), TS — различные варианты решения проблемы (temporal solution), EE — элиминация ошибок и некорректных решений (error elimination), P2 — новая проблема, вызванная ранее решенными вопросами.

Элиминация некорректных теорий возможна благодаря их фальсифицируемости, то есть изначально заложенной в теорию возможности быть опровергнутой. Теории, которые невозможно фальсифицировать, должны быть, согласно Попперу, полностью устранены из науки, поэтому Поппер отрицал научность гегельянства, марксизма и психоанализа¹⁸.

Своей теорией роста научного знания Поппер пытался дать ответ всё более нараставшему релятивизму: «Кратко говоря, под релятивизмом или... скептицизмом я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен. В основании такой концепции лежит убеждение в том, что объективной истины вообще нет, а если она всё же есть, то всё равно нет теории, которая была бы истинной или, во всяком случае, хотя и не истинной, но более близкой к истине, чем какая-то другая теория. Иначе говоря, если существуют две или более теории, то не имеется никаких способов и средств для ответа на вопрос, какая из них лучше»¹⁹.

18 Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 240–324.

19 Поппер К. Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 379.

Как кажется, описание релятивизма и скептицизма, данное Поппером, весьма корректно может быть использовано и для характеристики современных библейских исследований. Заменяя в тексте Поппера слово «теория» на слово «интерпретация», мы получим описание постмодернистской библеистики.

В целом видится возможным применить теорию Поппера для выхода библеистики из той кризисной ситуации, в которой она оказалась, приняв парадигму постмодерна.

Теория Поппера, во-первых, отсекает огромное число интерпретаций, не проходящих критерий фальсификации. В это число войдут различные фундаменталистские трактовки Библии, поскольку сам фундаменталистский дискурс не даёт возможности для критической оценки. Будут отсеяны и откровенно ненаучные феминистические, постколониальные и иные трактовки, поскольку в них также отсутствует возможность критики. Тем самым будет очерчен конкурентный круг фальсифицируемых гипотез, которые можно будет взвешенно сравнивать друг с другом для элиминации менее успешных и выявления наиболее правдоподобных. При этом теория Поппера не подразумевает остановки роста научного знания: при сужении круга наиболее правдоподобных теорий будут появляться всё новые и новые проблемы, которые, в свою очередь, будут порождать оригинальные модели их решения.

Идея фаллибилизма Поппера могла бы избавить современную библеистику от некоего оцепенения, возникшего в результате невозможности адекватного выбора в ситуации «интерпретационной анархии»: «Положение о погрешимости (fallibility) нашего знания, или тезис, согласно которому всё наше познание представляет собой догадки, часть из которых выдерживает серьёзные проверки, не должно использоваться в поддержку скептицизма или релятивизма»²⁰.

Также теория Поппера могла бы преодолеть «авторитарную» позицию библеистики Нового времени, которая отрицала за текстом Библии какой-либо иной смысл, кроме реконструируемого авторского замысла (которая, в итоге, привела к кризису в самой библейской науке, как это показал Карл Барт). В ситуации конкуренции между многими фальсифицируемыми гипотезами и теориями, историко-критические выводы хотя и будут, вероятно, наиболее правдоподобными (поскольку их язык наиболее фальсифицируем), однако всё же не единственно возможными.

20 Поппер К. Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма. // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 387.

Наконец, применение теории Поппера в библейской науке даст толчок для более глубокой рефлексии об основаниях её собственного языка. Дело в том, что вклад в современную библеистику вносят и историки, и филологи, и религиоведы, и теологи, и представители множества других дисциплин. Вопрос о фальсифицируемости и верифицируемости предлагаемых теорий может дать почву для исследования языка как данных дисциплин, так, возможно, и самой библеистики как особой междисциплинарной сферы знания.

Принцип фальсифицируемости может использоваться в качестве негативного критерия для оценки той или иной теории. Если в разработанной интерпретационной модели не заложена возможность её критики (со стороны позитивного исторического, филологического, религиоведческого знания и т.п.), то данная модель не может считаться научной. Это общее правило, характерное для всех сфер современного академического знания. Наиболее общим критерием верифицируемости той или иной интерпретационной модели непосредственно в библеистике может стать следующее: интерпретационная теория наиболее правдоподобна, если минимальными средствами (принцип экономии) она может непротиворечиво объяснить наибольший объём библейского текста (принцип полноты).

4. Вывод

Как кажется, эпистемологическую теорию Поппера возможно применить и в библейской науке. Наиболее значимым результатом имплементации этой теории в библеистике будет выход из состояния «интерпретационной анархии» и полного смыслового релятивизма, характерного для постмодерна. При этом теория Поппера не позволяет какой-либо конкретной теории получить статус «окончательной истины», тем самым позволяя библейской науке находиться в состоянии перманентного развития. Естественно, данная модель, применённая к библеистике, не вернёт её в состояние «единства в многообразии», характерного для святоотеческой и средневековой экзегезы. В самой сути модели Поппера заложен принцип конкурентной борьбы между различными теориями, а не их гармоническое дополнение друг друга. Это, однако, не значит, что святоотеческие толкования не имеют актуальности для академической библеистики (как это было в Новое время). Дело в том, что чрезвычайно сложный и философски нагруженный язык церковных авторов обладает намного большей степенью фальсифицируемости, чем, скажем,

язык современных фундаменталистов или феминистских теологов. Как отмечает Н. А. Блохина, «рационализм и использование техники логического анализа... роднят аналитическую философию со схоластикой средневековья»²¹. Тем самым богословская экзегеза Писания, фундаментальные работы библеистов прошедших времён и наиболее значительные современные исследования вновь смогут войти в продуктивную дискуссию друг с другом, обеспечив возможность роста положительного знания в библейской науке.

Конечно, модель Поппера разрабатывалась учёным для анализа более формального знания и, естественно, в случае её реального применения в современной библеистике данную модель необходимо будет нюансировать в соответствии со спецификой данной дисциплины. В некоторых аспектах теория Поппера не идеальна и подвержена серьёзной критике со стороны современных философов. Однако пока что среди библеистов не было предложено какой-либо оригинальной общей эпистемологической теории, которая могла бы как-либо оформить процесс прироста научного знания в данной области. В связи с этим, даже при всех своих недостатках, возможность применения в библеистике предложенной Поппером теории видится весьма обоснованным и продуктивным.

Библиография

- Андреев А., свящ. Предпосылки возникновения академической библеистики: Библия и ее интерпретация в эпоху Ренессанса // Церковь и время. 2014. № 3(68). С. 65–95.
- Андреев А. В. Библейская наука в рамках парадигм модерна и постмодерна // Церковь и время. 2012. № 2 (59). С. 51–77.
- Блохина Н. А. Парадокс анализа и парадоксальность аналитической философии // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 168–196.
- Ванхузер К. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания. Черкассы: Коллоквиум, 2007.
- Гиришман М. Еврейская и христианская интерпретации Библии в поздней Античности. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2002.
- Емельянов А., прот. Введение в Четвероевангелие. М.: ПСТГУ, 2015.
- История и философия науки: энциклопедический словарь. Нижневартовск: изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2010.
- 21 Блохина Н. А. Парадокс анализа и парадоксальность аналитической философии // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 189.

- Мень А., прот.* Библия и история ее толкований. Минск: изд.-во Белорусского Экзархата, 1997.
- Нестерова О. Е.* Проблемы интерпретации учения Оригена о трех смыслах Священного Писания в современной научной литературе // Раннехристианская и византийская экзегетика. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 26–67.
- Нестерова О. Е.* Типологическая экзегеза в «Tractatus Mysteriorum» Илария Пиктавийского // Раннехристианская и византийская экзегетика. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 68–118.
- Осборн Р.* Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование. Одесса: Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009.
- Поппер К.* Предположения и опровержения. Рост научного знания // *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 240–324.
- Поппер К.* Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма // *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 379–413.
- Райт Н. Т.* Авторитет Писания и власть Бога. Черкассы: Коллоквиум, 2007.
- Саврейн В. Я.* Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2011.
- Сидоров А. И.* Основные тенденции развития и характерные черты древнехристианской и византийской экзегезы // Раннехристианская и византийская экзегетика. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 3–25.
- Стилианопулос Т.* Новый Завет: православная перспектива. М.: ББИ св. ап. Андрея, 2008.
- Тисельтон Э.* Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011.
- Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.: Алетея, 2003.
- Handelmann S.* The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory. Albany: State University of New York Press, 1982.
- Hanson R.* Allegory and Event. A Study of the Sources and Significance of Origen's Interpretation of Scripture. London: SCM Press, 1959.

Application of New Epistemological Theories for the Interpretation of the Biblical Text

Priest Alexei Andreev

MA in Theology

Teacher of the Department of Biblical Studies of the Faculty of Theology

of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

6, building 1, Likhov lane, Moscow 127051, Russia

alexey.andreevtf@gmail.com

For citation: Andreev, Alexei, priest. "Application of New Epistemological Theories for the Interpretation of the Biblical Text". *Bible and Christian Antiquity*, 2019, no. 3 (3), pp. 213–225 (In Russian) doi: 10.31802/2658-4476-2019-3-3-213-225

Abstract. The article discusses the possibility of applying new epistemological theories developed by researchers such as Ch. S. Pierce, A. Tarsky, K. Popper, W. V. O. Quine, for the interpretation of the biblical text. In the Modern period, the idea that the Bible contains only one «true» meaning – the idea of the empirical author of a biblical text – was established. In the present situation, which can conventionally be called postmodernism, the idea has spread that the text of Scripture can contain an unlimited number of meanings which can be simultaneously opposed to each other, and none of them has the right to claim exclusivity and to be ultimate truth. This situation created a certain stagnation in modern biblical scholarship. As this article proves, it is possible to get out of such a situation of «interpretative anarchy» if we apply the principles developed in modern epistemology of science to biblical hermeneutic theories. Particular attention is paid to the possibility of implementing the theory of growth of scientific knowledge, proposed by K. Popper. The article proves that the use of this model in the analysis of variety of different interpretational strategies developed by Biblical scholars allows to eliminate unscientific interpretations, as well as to create an opportunity for competitive discussion between the most plausible hypotheses, which in turn should stimulate the growth of scientific knowledge in modern Biblical studies.

Keywords: Bible, Bible studies, hermeneutics, epistemology, Karl Popper, postmodernism, interpretation, scientific knowledge, falsification, fallibilism.

References

- Andreev A. V. (2012) “Biblejskaja nauka v ramkah paradigmoderna i postmoderna” [“Biblical Studies within the Paradigms of Modernity and Postmodernity”]. *Cerkov' i vremja*, no. 2/59, pp. 51–77 (in Russian).
- Andreev A. (2014) “Predposylki vznikovenija akademicheskoj bibleistiki: Biblija i ejo interpretacija v epohu Renessansa” [“Background of Academic Biblical Studies: The Bible and its Interpretation in the Renaissance”]. *Cerkov' i vremja*, no. 3/68, pp. 65–95 (in Russian).
- Blohina N. A. (2015) “Paradoks analiza i paradoksal'nost' analiticheskoj filosofii” [“Paradox of Analysis and the Paradox of Analytical Philosophy”]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 168–196 (in Russian).
- Eco U. (2003) *Iskusstvo i krasota v Srednevekovoj estetike* [Art and Beauty in Medieval Aesthetics]. Saint-Petersburg: Aletejja (in Russian).
- Emel'janov A. (2015) *Vvedenie v Chetveroevangelie* [Introduction to the Four Gospels]. Moscow: PSTGU (in Russian).
- Girshman M. (2002) *Evrejskaja i hristianskaja interpretacii Biblii v pozdnej Antichnosti* [Jewish and Christian Biblical Interpretation in the Late Antiquity]. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim (in Russian).
- Handelmann S. (1982) *The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory*. Albany: State University of New York Press.
- Hanson R. (1959) *Allegory and Event. A Study of the Sources and Significance of Origen's Interpretation of Scripture*. London: SCM Press.

- Men' A. (1997) *Biblija i istorija ejo tolkovanij* [*The Bible and the History of Its Interpretation*]. Minsk: Izd. Belorusskogo Egzarhata (in Russian).
- Nesterova O. E. (2008) "Problemy interpretacii uchenija Origena o trjoh smyslah Svjzshhennogo Pisanija v sovremennoj nauchnoj literature" ["The Problems of Interpreting the Teachings of Origen on the Three Meanings of the Holy Scriptures in Modern Scientific Literature"], *Rannehristianskaja i vizantijskaja ekzegetika*. Moscow: IMLI RAN, pp. 26–67 (in Russian).
- Nesterova O. E. (2008) "Tipologicheskaja egzegeza v 'Tractatus Mysteriorum' Ilirija Piktavijskogo" ["Typological Exegesis in the 'Tractatus Mysteriorum' of Hilary of Poitiers"]. *Rannehristianskaja i vizantijskaja ekzegetika*. Moscow: IMLI RAN, pp. 68–118 (in Russian).
- Osborn R. (2009) *Germenevticheskaja spiral'*. *Obshhee vvedenie v biblejskoe tolkovanie* [*The Hermeneutical Spiral: A Comprehensive introduction to Biblical Interpretation*]. Odessa: Evro-Aziatskaja Akkreditacionnaja Associacija (in Russian).
- Popper K. (1983) "Fakty, normy i istina: dal'nejshaja kritika reljativizma" ["Facts, Standards and Truth: A Further Criticism of Relativism"] in *Logika i rost nauchnogo znanija. Izbrannye raboty* [*Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Featured Works*]. Moscow: Progress, pp. 379–413 (in Russian).
- Popper K. (1983) "Predpolozhenija i oproverzhenija. Rost nauchnogo znanija" ["Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge"] in *Logika i rost nauchnogo znanija. Izbrannye raboty* [*Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Featured Works*]. Moscow: Progress, pp. 240–324 (in Russian).
- Savrej V. Ja. (2011) *Aleksandrijskaja shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoj mysli* [*Alexandrian School in the History of Philosophical and Theological Thought*]. Moscow: KomKniga (in Russian).
- Sidorov A. I. (2008) "Osnovnye tendencii razvitija i harakternye cherty drevnehristianskoj i vizantijskoj ekzegezy" ["The Main Development Trends and Characteristics Features of the Ancient Christian and Byzantine Exegesis"]. *Rannehristianskaja i vizantijskaja ekzegetika*. Moscow: IMLI RAN, pp. 3–25 (in Russian).
- Stylianopoulos T. (2008) *Novyj Zavet: pravoslavnaja perspektiva* [*The New Testament: An Orthodox Perspective*]. Moscow: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. ap. Andreja (in Russian).
- Thislton A. C. (2011) *Germenevtika* [*Hermeneutics*]. Cherkassy: Kollokvium (in Russian).
- Vanhoozer K. (2007) *Iskusstvo ponimaniya teksta. Literaturovedcheskaja etika i tolkovanie Pisanija* [*The Art of Understanding the Text. Literary Ethics and Interpretation of Scripture*]. Cherkassy: Kollokvium (in Russian).
- Wright N. T. (2007) *Avtoritet Pisanija i vlast' Boga* [*The authority of Scripture and the Power of God*]. Cherkassy: Kollokvium (in Russian).